

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ,
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ,
АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ И
ДР.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. ЛИРИКА

Стихи о любви (АСТ)

Анатолий Мариенгоф
Серебряный век. Лирика

«Public Domain»

1907-1931

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Мариенгоф А. Б.

Серебряный век. Лирика / А. Б. Мариенгоф — «Public Domain»,
1907-1931 — (Стихи о любви (АСТ))

ISBN 978-5-17-105273-7

В начале XX века в России происходил небывалый культурный всплеск, особенно насыщенной и разнообразной в то время стала поэзия. Появились новые поэтические течения и направления, развивались и переосмысливались старые приемы, звучали новые имена. В этот сборник вошли стихотворения поэтов, которые сформировали этот период и навсегда сделали Серебряный век великим эпизодом в истории русской культуры.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-105273-7

© Мариенгоф А. Б., 1907-1931
© Public Domain, 1907-1931

Содержание

Георгий Адамович	7
«Чрез миллионы лет...»	7
«Один сказал: «Нам этой жизни мало...»»	8
«Я не тебя любил, но солнце, свет...»	9
«О том, что смерти нет, и что разлуки...»	10
«Ни музыки, ни мысли – ничего...»	11
«Рассвет и дождь. В саду густой туман...»	12
«Без отдыха дни и недели...»	13
Иннокентий Анненский	14
Среди миров	14
Смычок и струны	15
В марте	16
Август	17
1. Хризантема	17
2. Электрический свет в аллее	17
Параллели	19
Тринадцать строк	20
Две любви	21
Константин Бальмонт	22
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	22
Челн томленья	23
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»	24
«Я – изысканность русской...»	25
Минута	26
К Елене	27
Норвежская девушка	28
Андрей Белый	29
Вспомни	29
Асе	30
К ней	31
Любовь	32
Осень	33
Побег	34
Мои слова	35
Путь к невозможному	36
Валерий Брюсов	37
В будущем	37
Творчество	38
Женщине	39
«Как царство белого снега...»	40
«О, когда бы я назвал своею...»	41
Я люблю другого	42
«Я много лгал и лицемерил...»	43
Каждый миг	44
«Что день, то сердце все устaley...»	45
Давид Бурлюк	46

Зеленое и голубое	46
Веер весны	47
Монолог уличновстречного	48
«Огней твоих палящих слава...»	49
Весенний бык	50
Максимилиан Волошин	51
«К этим гулким морским берегам...»	51
«В эту ночь я буду лампадой...»	52
«И будут огоньками роз...»	53
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	54
«То в виде девочки, то в образе старушки...»	55
«Обманите меня... но совсем, навсегда...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Серебряный век. Лирика

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Георгий Адамович

«Чрез миллионы лет...»

Чрез миллионы лет – о, хоть в эфирных волнах! —
Хоть раз – о, это все равно! —
Померкшие черты среди теней безмолвных
Узнать мне будет суждено.

И как мне хочется – о, хоть бессильной тенью! —
Без упоения и мук,
Хоть только бы прильнуть – о, только к отраженью! —
Твоих давно истлевших рук.

И чтоб над всем, что здесь не понял ум беспечный,
Там разгорелся наконец
Огромный и простой, торжественный и вечный
Свет от слиянья двух сердец.

«Один сказал: «Нам этой жизни мало...»»

Один сказал: «Нам этой жизни мало»,
Другой сказал: «Недостижима цель»,
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели,
Так умолкали – каждый раз нежнее! —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней.

«Я не тебя любил, но солнце, свет...»

Я не тебя любил, но солнце, свет,
Но треск цикад, но голубое море.
Я то любил, чего и следу нет
В тебе. Я на немыслимом просторе

Любил. Я солнечную благодать
Любил. Что знаешь ты об этом?
Что можешь рассказать
Ветрам, просторам, молниям, кометам?

Да, у меня кружилась голова
От неба, от любви, от этой рощи
Оливковой... Ну да, слова.
Ну да, литература... Надо проще.

Был сад во тьме, был ветерок с высот,
Две – три звезды, – что ж не простого в этом?
Был голос вдалеке: «Нет, только он,
Кто знал...» – мне одному ответом.

И даже ночь с Чайковским заодно
В своем безмолвии предвечном пела
О том, что все обречено,
О том, что нет ни для чего предела.
«Нет, только тот...». Пойми, я не могу
Ясней сказать, последним снам не вторя,
Я отплываю, я на берегу
Иного, не земного моря.

Я не тебя любил. Но если там,
Где все кончается, все возникает,
Ты к новым мукам, новым небесам
Покорно, медленно... нет, не бывает...

Но если все – таки... не будет, ложь...
От одного к другому воплощенью
Ты предо мной когда – либо пройдешь
Неузнаваемой, ужасной тенью,

Из глубины веков я вскрикну: да!
Чрез миллионы лет, но как сегодня,
Как солнце вечности, о навсегда,
Всей жизнью и всей смертью – помню!

«О том, что смерти нет, и что разлуки...»

О том, что смерти нет, и что разлуки нет,
И нет земной любви предела,
Не будем говорить. Но так устроен свет,
Где нам дышать судьба велела.

И грустен мне, мой друг, твой образ, несмотря
На то, что ты и бодр и молод,
Как грустно путнику в начале сентября
Вдруг ощутить чуть слышный холод.

«Ни музыки, ни мысли – ничего...»

Ни музыки, ни мысли – ничего.
Тебе давно чистописанья мало,
Тебе давно игрой унылой стало,
Что для других – и путь, и торжество.

Но навсегда впелся в напев твой сонный, —
Ты знаешь сам, – вошел в слова твои,
Бог весть откуда, голос приглушенный,
Быть может, смерти, может быть, любви.

«Рассвет и дождь. В саду густой туман...»

Рассвет и дождь. В саду густой туман,
Ненужные на окнах свечи,
Раскрытый и забытый чемодан,
Чуть вздрагивающие плечи.

Ни слова о себе, ни слова о былом.
Какие мелочи – все то, что с нами было!
Как грустно одиночество вдвоем...
– И солнце, наконец, косым лучом
Прядь серебристую позолотило.

«Без отдыха дни и недели...»

Без отдыха дни и недели,
Недели и дни без труда.
На синее небо глядели,
Влюблялись... И то не всегда.

И только. Но брезжил над нами
Какой – то божественный свет,
Какое – то легкое пламя,
Которому имени нет.

Иннокентий Анненский

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1909

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно – лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто – то взял и кто – то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластаясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.
Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

В марте

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших листьях
Ярко – черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она, —
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

Август

1. Хризантема

Облака плывут так низко,
Но в тумане всё нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнет,
Что – то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...

...Это было поздним летом
Меж раkit и на песке,
Перед бледно – желтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дроз —
Это кольца золотые
Ею сброшенных серег.

2. Электрический свет в аллее

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листьях раззолоченных, —

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...

О, не зови меня, не мучь!

Параллели

1

Под грозные речи небес
Рыдают косматые волны,
А в чаще, презрения полный,
Хохочет над бурей бес.

Но утро зажжет небеса,
Волна золотится и плещет,
А в чаще холодной роса
Слезою завистливой блещет.

2

Золотя заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых, —
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах

1901

Тринадцать строк

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что – цветы это ты.

Две любви

Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей – она одурманил,
Дать ей волю – и ее не станет...
Быть как дым, – но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит – тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

Константин Бальмонт

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие – то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.
Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.
Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.
Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.
Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.
Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

1902

«Я – изысканность русской...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.
Переплеск многопенный, разорванно – слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.
Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

1902

Минута

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.
Хороша эта дикая вольная воля:
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих – на мгновенье, не боле, —
Та минута любви, что продлится века.

1921

К Елене

О, Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных Луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьме ты мерцаешь как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я твой раб, я твой брат и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красивой живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем Луна.
Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О, Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

Норвежская девушка

Очи твои, голубые и чистые —
Слиянье небесной лазури с изменчивым блеском волны;
Пряди волос золотистые
Нежнее, чем нить паутины в сиянье вечерней Луны.
Вся ты – намек, вся ты – сказка прекрасная,
Ты – отблеск зарницы, ты – отзвук загадочной песни без слов;
Светлая, девственно – ясная,
Вакханка с душою весталки, цветок под покровом снегов.

Андрей Белый

Вспомни

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо, – вся в лазурных
В полевых цветах —
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник,
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.

Вспомни ласковые встречи —
Вспомни: видит бог, —
Эти губы, эти плечи
Попцелуем жег.

Страсти пыл неутоленной —
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной —
Там – и там: и там —

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.
Ты не любишь: ты забыла —
Всё забыла ты.

1906, Мюнхен

Асе (При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнул стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем – грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916, Дорнах

К ней

Травы одеты
Перлами.
Где – то приветы
Грустные
Слышу, – приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?

Вечера светы
ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя.
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, —
Милая?

Апрель 1908, Москва

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно – пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно – золотистом
вдруг облако туманное возшло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902, Москва

Осень

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь – нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906, Мюнхен

Побег

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели – глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.

Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень, —
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегаю вдоль дальней межи —

Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.

Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:
Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листы.
Я бегу... А ты?

1906, Москва

Мои слова

Мои слова – жемчужный водомет,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспененный, —
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий, —
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь – призывно – грустный звон,
что зазвучит и улетит куда – то, —
неясно – милый сон,
уж виданный когда – то.

Май 1901

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.

Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.

Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.

Это – к Вечности мы
устремились желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.

Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

1903

Валерий Брюсов

В будущем

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где – то там, на какой – то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко – звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко – звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва.

А я всегда, Неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

«О, когда бы я назвал своею...»

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня – безнадежность,
И смерть, и мгла!

Я люблю другого

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький лепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».

«Я много лгал и лицемерил...»

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведаль
Ее в бездонной полноте, —
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир – иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

6 сентября 1900

«Что день, то сердце все устaley...»

Что день, то сердце все устaley
Стучит в груди; что день, в глазах —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время – отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых,
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо рощ тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады, – до конца!

Путем, мной выбранным однажды,
Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

Давид Бурлюк

Зеленое и голубое

Презрев тоску, уединись к закату,
Где стариков живых замолкли голоса.
Кто проклинал всегда зеленую утрату,
Тот не смущен победным воем пса.

О золотая тень, о голубые латы!
Кто вас отторг хоть раз, тот не смутится днем.
Ведь он ушел навек, орел любви крылатый,
И отзвук радости мы вожделенно пьем.

1910

Веер весны

Посв. Сам. Вермель

Жемчужный водомет развеяв,
Небесных хоров снизошед,
Мне не забыть твой вешний веер
И примаверных взлетов бред...
Слепец не мог бы не заметить
Виденьем статным поражен:
Что первым здесь долине встретить
Я был искусственно рожден.

1916

Монолог уличновстречного

Н. Н. Евреинову

Камни, стены, чугунные решетки...
Что ждать? Кого искать?...
Он:
– «Люблю рассматривать, блуждая, души витрин,
Всегда нарядные представительно;
Я фантазер ведь, покаюсь, немного действительно.
И времени своему господин.
– Здесь этой – ажурные дамские панталоны
И корсеты, не жмущие ничьих боков —
(Руки упорных холостяков);
...пылким любовникам вечные препоны;
А вот: это для меня важнее, „все что угодно дамской ноге“!..
Я так давно обувь ищу Сатирессе
Знаете... встретил ее экспрессе,
Идущем русской зимней пурге...
– Не могу сказать, каком она роде:
Не то солнечный луч, не то туман...
Разбросив запахи лесных полей,
Она была одета шикарно „по моде“,
А когда топоча побежала панели буфету,
Я вдруг заметил: да ведь она босиком!!
Мечусь теперь, мечусь по свету,
Озабочен ее башмаком...
И сколько не видел столичных витрин.
Заметьте, башмачник забыл о копытце!.
Для всяких размеров старался аршин,
Но все это даме моей не годится...
Окончательно...»

1916

«Огней твоих палящих слава...»

Огней твоих палящих слава —
По склонам свергнутая лава —
Багрово – синих глыбы снов,
Кошмар, что вечно будет нов!

1921

Иокогама

Япония

Весенний бык

Весенним соком упоенный,
Прозрачной встреченный фатой,
Я ныне осязаю звоны
Спеленатые высотой —
Я – светорыцарь листьев клейких,
Себя почувствовал быком,
Ушедшим вдруг из зимнекеleyки,
Травы зеленожрущим ком!

Вообразил: надволжской фермой,
Облокотившейся на бык,
Когда разливабунтом нервно
Свободу Каспия добыть...
Весной послушные забавы,
Что фантазийные легки;
Как с мыком рвутся чрез канавы
Листвой пронзенные быки.

Пусть Я в Нью – Йорке,
Пусть в вагоне.
При прядях электричьих свеч —
Не укатали сивку горки!
Душа на выпрессе амвоне
Косая сажень бычьих плеч!!

1924 Май, Нью – Йорк

Максимилиан Волошин

«К этим гулким морским берегам...»

Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликаю ветра и голосу моря...

Май 1909

Коктебель

«В эту ночь я буду лампадой...»

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.

Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...

В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней...
Не ты ли меня зажег?

До 8 июля 1914

«И будут огоньками роз...»

И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая
В полынном сумраке долин.

14 июня 1913

«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохраняют всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся – ты слышишь пенье птицы?
Он жив – мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной —
Мой гроб не пуст...
Коснись единый раз на миг единый
Устами уст.

1910

«То в виде девочки, то в образе старушки...»

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь – ко мне стучалась ты:
То требуя стихов, то ласки, то игрушки
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты в тебе горит бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, все великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

21 декабря 1911

«Обманите меня... но совсем, навсегда...»

Обманите меня... но совсем, навсегда...

Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.